

DOI: 10.31857/S086919080017649-0

ДЕТАЛИ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ И ДИАДЕМ
ИЗ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ-II¹

© 2021

В.Е. МАСЛОВ ^a, В.Г. ПЕТРЕНКО ^b^{a, b} – Институт археологии РАН, Москва, Россия;^a – ORCID: 0000-0002-4910-8317; maslovlad@mail.ru;^b – ORCID: 0000-0003-1031-3185; vladimira_petren@mail.ru

Резюме: В статье публикуются наборы золотых украшений, найденные в трех курганах раннескифского могильника Новозаведенное-II (Ставропольский край). Выдвинуто предположение, что эти наборы являются частью головных украшений. Могильник Новозаведенное-II, очевидно, принадлежал клановой группе племенных лидеров, возглавлявших одно из военизированных племенных объединений, которое обосновалось в предкавказских степях в период завершения переднеазиатских кампаний. Относительная хронология памятника охватывает промежуток между третьей четвертью VII в. до н.э. и второй четвертью VI в. до н.э.

В кургане № 1 были обнаружены золотые нашивные бляшки в виде розеток и подвески двух типов, которые могли являться украшениями парадного головного убора, выполненного в традициях передневносточной дворцовой моды.

В курганах № 3 и 16 были найдены наборы нашивных блях на ленточные диадемы в виде фигур лежащих кошачьих хищников. Набор из украшений в кургане № 3, выполненный с использованием пайки и зерни, вероятно, был изготовлен в Передней Азии. Набор нашивных украшений из кургана № 16 выполнен в технике тиснения; он мог быть изготовлен пленным ювелиром в полевой ставке скифского вождя. Особенно важна находка в кургане № 16 золотой бусины-распределителя, имеющей аналогии в гробнице I в Нимруде. Очевидно, золотые женские украшения, связанные с Ассирией, попадают в скифские гробницы в конце VII в. до н.э. после разгрома Ассирийской державы. Непосредственное участие скифов во взятии и разграблении ассирийских столиц в историографии отрицается. Однако допустимо предположение, что часть скифов могла входить в состав мидийского войска и что среди вождов, похороненных в курганах могильника Новозаведенное-II и Келермесском могильнике, а также в Литом кургане были участники разграбления царских сокровищниц и гробниц.

Ключевые слова: Ранние скифы, ювелирные украшения, диадемы, Ассирия.

Для цитирования: Маслов В.Е., Петренко В.Г. Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 78–89. DOI: 10.31857/S086919080017649-0

DETAILS OF HEADRESSES AND DIADEMS
FROM THE NOVOZAVEDENNOYE-II BARROW CEMETERY

© 2021

Vladimir E. MASLOV ^a, Vladimira G. PETRENKO ^b

¹ Статья написана в рамках темы Государственного задания: № НИОКТР АААА–А18–118011790093–2 «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния».

^{a, b} – Institute of Archeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^a – ORCID: 0000-0002-4910-8317; maslovlad@mail.ru;

^b – ORCID: 0000-0003-1031-3185; vladimira_petren@mail.ru

Abstract: *The authors publish in the article the gold jewelry from the Early Scythian barrow cemetery Novozavedennoe-II in the Central Ciscaucasia (Stavropol Region). It has been suggested that these finds were the parts of head's jewelry. In Novozavedennoe-II, obviously, were buried group of clan leaders who headed one of the militarized tribal alliance, which settled in the Ciscaucasia steppes after Near East campaigns. The relative chronology of the site covers the interval between the third quarter of the 7th century BC and the second quarter of the 6th century BC.*

In the barrow No. 1 the gold sewn-on plaques in the form of rosettes and two types of pendants, which could be adornments of a ceremonial headdress made in the traditions of the Near East palace fashion, were found. The ribbon diadems decorated of sewn-on plaques in the form of stylized lying feline predators obviously were in the barrows No. 3 and 16.

The decorations from the mound No. 3 were made with using soldering and granulation, obviously in Western Asia. A set of sewn-on decorations from mound No. 16 was made using the stamp technique, probably by a captive jeweler at the field headquarters of a Scythian chief. Especially important is the find in barrow No. 16 of a gold bead distributor, which has analogies in the tomb I in Nimrud. Obviously, gold female jewelry connected with Assyrian royal court get to the Scythian tombs at the end of the 7th century BC in time of the downfall of the Assyrian empire.

Keywords: Early Scythians, jewelry, diadem, Assyria.

For citation: Maslov V.E., Petrenko V.G. Details of Headdresses and Diadems from Novozavedennoe-II Barrow Cemetery. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 78–89. DOI: 10.31857/S086919080017649-0

В ходе исследования могильника Новозаведенное-II в Центральном Предкавказье в 80–90-е годы минувшего века в курганах № 1, 3 и 16 были найдены золотые предметы, которые с высокой степенью вероятности могут являться деталями диадем и/или парадных головных уборов. Могильник Новозаведенное-II, очевидно, принадлежал клановой группе племенных лидеров, возглавлявших одно из военизированных племенных объединений, которое обосновалось в предкавказских степях в период постепенного завершения переднеазиатских компаний. Относительная хронология памятника охватывает промежуток между третьей четвертью VII в. до н.э. и второй четвертью VI в. до н.э. В реальности этот интервал едва ли превышал 70–80 лет. Большинство же насыпей могильника было возведено на протяжении ещё более короткого хронологического отрезка: в конце третьей – последней четверти VII в. до н.э.

Представим ниже описание, контекст и интерпретацию интересующих нас находок.

В кургане № 1 в придонном заполнении могильной камеры при расчистке смещённых человеческих костей черепа и рук были обнаружены золотые нашивные бляшки в виде розеток и золотые подвески двух типов.

Нашивные бляшки из золотой фольги с тисненым изображением шестилепестковой розетки с выделенным округлым валиком центром (8 экз.) (рис. 1, 1, 1a)². Размеры: диаметр – 2 см, толщина листа менее 1 мм. По краям бляшек изнутри довольно грубо пробиты радиально расположенные парные отверстия для нашивки.

² Рисунки находятся на цветной вклейке.

Полые конусовидные подвески, состоящие из свернутого спаянного листочка фольги с припаянной округлой крышечкой с проволочной петелькой (2 экз.). Общая длина – 1–1,4 см, толщина листа менее 1 мм (рис. 1, 2, 2а).

Полые треугольные подвески со скругленными краями, спаянные из трех деталей (2 экз.). На плоское основание напаяна передняя выпуклая пластина, покрытая тисненными поперечными горизонтальными полосками с полусферическим завершением снизу. Сверху припаяна проволочная петелька. Общая длина – 1,4 см (рис. 1, 3, 3а).

Розетты как знак-символ появляются в Месопотамии в конце урукского периода [Black, Green, 1992, p. 156, 157, ill. 128; Reade, 1993, ill. 29] и уже в раннединастическом некрополе Ура присутствуют в составе наборов золотых украшений диадем [Reade, 1993, ill. 55; 60].

В новоассирийский период изображения розетт получают самое широкое распространение. На ассирийских дворцовых рельефах они представлены на конской сбруе, кузовах колесниц, металлической посуде, парадных одеяниях, колчанах, браслетах и жезлах, бронзовых шлемах, в составе орнаментальных композиций [Reade, 1994, fig. 24; 30; 32, 41; 42; 44; 87; Born, Seidl, 1995, Abb. 100; 101; Рябкова, 2019, рис. 8]. Такая символика присутствует в иконографии царей, их слуг, божеств и духов. Существует предположение, что в этот период розетка сменяет звезду в качестве символа богини Иштар [Black, Green, 1992, p. 156, 157].

Ленты-диадемы, декорированные наборами бляшек с розетками, иногда надетые поверх конусовидных тиар, также хорошо известны по изображениям царей, божеств и духов в этот период [Reade, 1994, fig. 19; 41; 42] (рис. 3, 2). К наиболее поздним и хорошо известным следует отнести изображение самого Ашшурбанапала, убивающего мечом раненого льва, в цикле рельефов из Ниневии, посвященных царской охоте [Reade, 1994, fig. 87] (рис. 3, 1). Бляшки с розетками украшают даже концы лент диадемы, надетой на распущенные волосы, и в изобилии представлены на парадном одеянии царя. Мелкими розетками расшит головной убор оруженосца, напоминающий кипу. В других сценах из этого цикла ленты с розетками разного размера надеты поверх тиар [Reade, 1994, fig. 82]. Следует отметить, что розетты на этих диадемах-лентах неодинаковы по размерам: они плавно увеличиваются к центральной налобной бляхе (рис. 3, 1, 4).

Из бронзового гроба 2 в гробнице III в Нимруде, с захоронением царицы Хамы, жены Салманасара IV, происходит золотая корона, по основанию декорированная двумя рядами цветочных розеток, чередующихся с тремя рядами бутонов мака, дополненные закрепленной на битуме инкрустацией из каменных вставок [Hussein et al., 2016, p. 32–34, pl. 129–132].

Однако гораздо ближе к новозаведенским накладные розетты на широком золотом обруче диадемы/короны из гробницы II в Нимруде с захоронениями нескольких ассирийских цариц второй половины VIII в. до н.э. На ней три горизонтальных ряда одинаковых розетт – 96 экз. закреплены с внутренней стороны заклепками [Hussein et al., 2016, p. 11–14, pl. 37, a].

В ассирийской и сиро-хеттской иконографии известны и другие варианты украшения розетками различных головных уборов:

Крупными розетками украшена калафообразная тиара богини из Кархемиша [Akurgal, 2001, fig. 106].

На базе колонны в виде женского сфинкса из Ниневии калафообразный головной убор в верхней части украшает пояс из мелких бляшек-розеток [Reade, 1994, fig. 55] (рис. 3, 2).

В сцене трапезы царицы на базальтовом рельефе из Зинджирли лента-диадема с крупными розетками повязана поверх полусферической шапочки с хорошо заметными швами, напоминающей сванку. На основании шапочки в налобной части закреплена лента из мелких бляшек-розетт [Akurgal, 2001, fig. 139].

На надгробной стеле из Мараша поверх женского усечено-конического головного убора, похожего на феску, надета ленточная диадема или налобная лента с чередующимися крупными розетками и дисками. Края головного убора расшиты коническими подвесками, образующими бахрому [Akurgal, 2001, p. 260, 261, fig. 177, 178].

Розетты были популярны и в урартском искусстве [Born, Seidl, 1995, Abb. 55; 77; Seidl, 2004, Taf. 19; 50, с.]. Голову стоящего на быке божества (Тейшеба или Халди) в царском одеянии, изображенного на рельефах из Адильдживаза близ озера Ван, венчает рогатая тиара с четырьмя рядами розетт [Пиотровский, 1962, с. 96, 98, рис. 61; Akurgal, 2001, fig. 194] (рис. 3, 5). Многочисленные розетты нескольких типов украшают также одежду божества.

В памятниках скифской архаической культуры найдена достаточно многочисленная серия и разнообразная серия предметов, декорированных розетками, большинство из которых имеют переднеазиатское происхождение. Они изображены на перекрестиях келермесского и мельгуновского мечей [Черненко, 1980, рис. 5], деталях парадной мебели из Келермесского кургана 3/Ш [Алексеев, 2012, с. 98] и Литого кургана [Кисель, 2003, с. 130, кат. 28, 29], на детали браслета (?) из Келермесского кургана 3/Ш [Рябкова, 2019, с. 329, рис. 7, 5], на бронзовой ассирийской посуде из кургана могильника Новозаведенное-I [Кисель, 2003, с. 132, кат. 38] и кургана № 2 Караванской группы Люботинского могильника [Бандуровский и др., 1998, с. 148, рис. 4, 2], Келермесского кургана 1/Ш [Алексеев, 2012, с. 89], зеркалах из Келермесского кургана 4/Ш [Алексеев, 2012, с. 108] и Центральной группы Люботинского могильников [Бандуровский и др., 1998, с. 153, рис. 6, 6].

В южной гробнице царского кургана № 1 Краснознаменского могильника найдена литая нашивная золотая бляшка в форме розетты [Петренко, 2006, с. 130, кат. 90, табл. 56, 101]. Из дореволюционных раскопок в Лесостепном Поднепровье происходят бронзовые бляхи с розетками, возможно, служившие украшением конской упряжи [Махортых, Колесник, 2000, с. 197, рис. 1].

Из курганов 1/Ш и 3/Ш Келермесского могильника происходят сразу три золотые диадемы-обруча [Галанина, 1997, с. 132–134, табл. 28–30; Кисель, 2003, с. 127, 128, кат. 15–17], декорированные как розетками, так и близкими к ним изображениями цветочных бутонов. По деталям они не напоминают новозаведенские розетки. Диадема из кургана 3/Ш, украшенная протомой грифона, дополнена снизу полыми каплевидными подвесками на петлях [Алексеев, 2012, с. 105].

Особое место среди этих находок занимает диадема из Литого кургана – высококлассное ювелирное изделие, вероятно, первоначально носившиеся поверх головного убора [Кисель, 2003, с. 50–52, 128, кат. 18]. Девятилепестковые розетки диадемы украшены шариками зерни и центральными вставками из сардоникса и закреплены на плетеных золотых шнурах [Алексеев, 2012, с. 105] (рис. 2, 1). После находок в царских гробницах Нимруда многочисленных и разнообразных предметов, декорированных сходными вставками, а также изделий, составленными из плетеных цепочек, ассирийское происхождение данной диадемы представляется более чем вероятным [Hussein et al., 2016, pl. 75; 126, a]. Сходные диадемы, надетые на калафообразные головные уборы, изображены на обнаженной женской фигурке из Топрах-Кале, близкой к фигурке финикийского стиля из Нимруда [Пиотровский, 2011, рис. 208; *Assyria to Iberia*, 2014, p. 91, 92, cat. 35, b, fig. 3. 27] (рис. 3, 3). Диадема с розетками в передней части надета на похожий головной убор урартского крылатого бронзового «сфинкса» [Пиотровский, 1962, ил. II; III; Кисель, 2003, с. 52]. На женской головке из Нимруда широкая ленточная диадема с розетками надета непосредственно на распущенные волосы девушки [Кисель, 2003, рис. 93]. Однако все перечисленные изображения не могут рассматриваться как аналогии для новозаведенских находок, поскольку розетки в составе этих диадем крупные и, очевидно, не пластинчатые,

скрепленные с жгутами основы. Гораздо более близкая параллель – серийные нашивные бляшки тиар.

Таким образом, версия о парадном головном уборе в кургане № 1 могильника Новозаведенное-II остается гипотезой. Это могла быть и наголовная лента, и головной убор, на который в один или несколько рядов были нашиты розетты.

В пользу присутствия в новозаведенском захоронении парадного женского головного убора свидетельствуют подвески двух типов. Первый тип – конусовидные подвески на цепочках имеются на золотой плетеной налобной ленте из гробницы III в Нимруде [Hussein et al., 2016, p. 107, pl. 103, b]. Однако сходные конусы встречаются и на серьгах из гробниц в Нимруде: к одной серьге крепятся гроздь конусов [Hussein et al., 2016, pl. 16 a, b]. На рельефах разных циклов, изображающих Ашшурбанапала, в ушах ассирийского царя хорошо различимы серьги с миндалевидными (возможно, коническими) подвесками [Reade, 1994, fig. 80; 102] (рис. 3, 1). Подвески могли украшать завязки, дополнительные детали и т.д.³

Второй тип – подвески с плоским основанием пока не имеет аналогий и вполне мог украшать парадный головной убор, расшитый розеттами.

Хотя ясности с головным убором нет, нельзя отрицать того, что человек, погребенный в далеком степном кургане, был одет согласно канонам передневносточной дворцовой моды. С высокой степенью вероятности все золотые аксессуары одеяния изготовлены в Передней Азии. Были ли это использованные вторично трофейные вещи, или для скифских вождей работали группы ювелиров, в данном случае не ясно.

Следует коснуться вопроса о поле и возрасте захороненного в кургане индивида. М.Б. Медникова, определила его как мужчину 30–34 лет, страдавшего от одонтогенного остеомиелита [Медникова, 2000, с. 52, 53, табл. 1], однако по первичному заключению Г.П. Романовой, осмотревшей сохранившиеся кости вскоре после окончания раскопок, это была женщина с хорошо развитой мускулатурой.⁴ Состав золотых украшений свидетельствует скорее в пользу последнего заключения. Косвенно на это указывает достаточно большой набор сердоликовых, янтарных, золотых и гагатовых бус, найденных в данном погребении. Из этого комплекса происходят также обломки железного меча, керамическое пряслице и большая плита-тёрочник со следами красной краски, керамическая и фрагменты бронзовой посуды.

В кургане № 3 в придонном заполнении южной части могилы в области изголовья разрушенного погребального ложа были найдены разбросанные мелкие тисненые золотые нашивные бляшки, заполненные внутри неким белым веществом, а также золотое нашивное украшение, судя по декору, входившее в один комплект с бляшками. В области погребального ложа были зафиксированы пятна красной краски.

Зооморфные тисненые нашивные бляшки из золотой фольги (54 экз.). Размеры: 1×0,3 см, диаметр отверстий около 0,1 см. Бляшки в форме предельно стилизованной фигуры кошачьего хищника, представленной в плане, в виде сверху. Морда треугольная, с намеченным выступом носа и округлыми выступами глаз с выделенными рельефно округлыми зрачками (их диаметр менее 1 мм); шея, плечи и круп выделены полукруглыми выступами. Между ними помещены парные прямоугольные выступы ног. В скругленных латеральных поверхностях под ногами снаружи пробиты парные отверстия для нашивки: по две пары на каждой бляшке (рис. 1, 4; 2, 3, 3а).⁵

³ Аналогичные золотые конусовидные подвески вместе с трубчатыми пронизками входят в состав погребального инвентаря женского захоронения кургана № 8 могильника Новозаведенное-II. Вероятно, и там мог быть парадный головной убор, но крупных нашивных блях найдено не было.

⁴ Сообщение В.Г. Петренко.

⁵ У одной из бляшек имеется три пары отверстий.

Фигурное сложносоставное золотое нашивное украшение. Размеры: 2,4×1 см, диаметры отверстий – 0,1 см⁶. Его корпус состоит из двух вырезанных из листового металла и спаянных между собою пластин с пятью разнонаправленными треугольными выступами в верхней части, придающей ей звездообразную форму, и слегка расширяющимся трапециевидным основанием. Обратная сторона украшения плоская. На основание наружной пластины были напаяны вертикально в ряд три тисненные зооморфные бляшки аналогичные вышеописанным. Бляшки направлены мордами вверх. В каждой из трех бляшек имеется по две пары пробитых боковых отверстий для протягивания тонких нитей (рис. 1, 5; 2, 2).

В верхней части пластины находится каплевидное гнездо для вставки, из напаянной согнутой проволоки, окаймленной по периметру шариками зерни, которые имеют в нижней части разъем у голов фигур крайних животных. В центре между тремя зооморфными фигурками помещено по одному шарiku зерни. На голову центральной фигуры проволоочная рамка; напаяна сверху; сразу за ушами. Внутри гнезда вставки первоначально имелись следы клея; или разложившегося заполнения.

В пластине между фигурами животных также имеются две пары отверстий для крепления украшения к основе. Отверстия в пластине были пробиты сверху. Пространство внутри треугольных выступов заполнено шариками зерни по схеме 3–2–1.

Характер изображений позволяет реконструировать предмет, на который были нашиты бляшки, как узкую, около 2–3-х см ленту-диадему. Судя по композиции на центральной; крупной бляхе, животные располагались мордами вверх.

Данный образ не имеет аналогий ни в переднеазиатском искусстве, ни в скифском «зверином стиле». Очевидно, в его основе было переработанное почти до неузнаваемости профильное изображение лежащего кошачьего хищника с поджатыми лапами. Конечности зверя, обозначенные прямоугольниками, стилистически схожи с деталями изображения изображения на каменной ножке жертвенника (?) из кургана № 13 могильника Новозаведенное-II [Петренко и др., 2000, рис. 2, Б].

В раннескифском «зверином стиле» почти нет полнофигурных скульптурных изображений, где был бы представлен вид сверху. Можно сослаться лишь на фигуру хищника на костяном навершии из погр. 24 кургана 1 могильника Донской, очевидно, близкого по времени с комплексом из Темир-Горы [Ильюков, Лукьяшко, 1994, с. 59–65, рис. 20, 4]. На данном изображении сверху рельефными выступами выделены уши и глаза (?)⁷, плечи и круп зверя, хвост же не выделен. Другая важная параллель – резное изображение кошачьего хищника на навершии из кургана 7 могильника Новозаведенное-II (особенно его вид снизу!) [Петренко, Маслов, Канторович, 2004, рис. 9, 12].

Миниатюрные декорированные зернью скульптурные фигурки различных животных, птиц и фантастических существ, размещенные рядами или цепочками и развернутые спинами к зрителю, встречаются на золотых фибулах и застежках ориентализирующего периода из Этрурии, где они появляются, очевидно, под левантийским влиянием [*Assyria to Iberia*, 2014, p. 319, 320, fig. 4. 26, cat. 189]. Однако в данном случае можно предполагать лишь некие стадийные параллели. К тому же этрусские находки несколько древнее новозаведенских.

Центральная нашивка имеет пять разнонаправленных остроугольных выступов, придающих ей звездообразную форму. Лучи звезды, очевидно, выступали над лентой диадемы. Звезда в передневосточной традиции обычно изображалась восьмилучевой, и можно допустить, что это редуцированный астральный символ богини Иштар, которую нередко

⁶ Выражаем искреннюю признательность за необходимую помощь заведующей Отделом археологии Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве – С.Л. Кравцовой.

⁷ Возможно, это выступ челюсти.

изображали в окружении звезд и которая ассоциировалась с планетой Венерой [Black, Green, 1992, p. 108, 109, fig. 187]. Другим символом этой богини был лев, которого богиня иногда попирает ногами [Hussein et al., 2016, pl. 133, b].

Х-образные выступающие над фигурой крылья имеются на многочисленных изображениях духов и богов разного статуса. Так, целый ряд из фигурок крылатых женских демонов представлен на короне царицы Хамы из упомянутой выше гробницы III в Нимруде [Hussein et al., 2016, p. 33, pl. 131]. Возможно, что четыре разнонаправленных выступа на нашей нашивке обозначают крылья, а верхний заменяет голову.

Следует подчеркнуть, что в кургане № 3 был обнаружен ряд вещей, вероятно, имевших культовый подтекст: чернолощеный кубок с изображениями змей в традициях гравировок на центральнокобанских бронзовых предметах, корчага с орнаментальным календарным (?) фризом, в центре которого располагается изображение лежащего скифского оленя, стилизованного в кобанской традиции, а также серия подковообразных подвесок из морских моллюсков. Сама погребенная, судя по пятнам краски, сохранившимся в районе погребального ложа, была одета в ярко-красное одеяние. Красным веществом были покрыты по крайней мере две корчаги, установленные в могильной камере. В этом контексте изображения львов на диадеме, возможно, соответствовали образу Иштар-Астарты как царицы животного мира.

Очевидно, бляшки для предполагаемой диадемы были изготовлены в ближневосточной ювелирной мастерской специально для скифов в период их продолжительного обитания в этом регионе, о чём свидетельствует использование пайки и техники зерни. В маннейской (?) мастерской была изготовлена для скифского вождя царского ранга хранящаяся в Метрополитен-музее золотая диадема из Зивие, с профильными геральдическими изображениями разнонаправленных пантер, между которыми помещены округлые касты [Луконин, 1977, с. 27, 28]. Здесь мы сталкиваемся с непосредственным воспроизведением образов скифского «звериного стиля», формирующих композицию на инсигниях власти. Следует подчеркнуть, что в обоих случаях ленту/обруч диадем украшал образ кошачьего хищника.

Обращает на себя внимание сходство в оформлении лепестков розетт диадемы из Литого кургана и оформления каста на новозаведенской бляшке. И в том, и в другом случае использована сходная техника – были припаяны согнутые провололочные жгуты, дополненные шариками зерни (рис. 2, 1, 2). Также нужно отметить сходство акцентированных округлых выпуклых значков зверей на новозаведенских бляшках с глазами на ряде малоазийских изображений птиц второй половины – конца VII в. до н.э. [Das Artemision von Ephesos, 2008, S. 130, 131, Kat. 9–12; Махортых, 2018, рис. 10] (рис. 3, 7–9). Согласно определению М.Б. Медниковой, эта диадема принадлежала молодой женщине 20–24 лет [Медникова, 2000, с. 52, табл. 1].

В кургане № 16 в затёчном придонном заполнении в юго-западной части могилы находилось основное скопление перемещенных находок. В этой части могильной камеры грабители разбирали свою добычу перед тем как вынести её на поверхность через лаз траншеи. В числе разнообразных предметов здесь были обнаружены мелкие фигурные бляшки из золотой фольги в виде стилизованного лежащего хищника, фигурная нашивная бляха, включающая изображения трех подобных хищников, а также звено ожерелья, которое тоже, очевидно, связано с парадным одеянием покойного.

Зооморфные тисненые нашивные бляшки (11 экз.) имеют размеры 0,85×0,2 см. Бляшки в форме предельно стилизованной фигуры кошачьего хищника (?), представленной в плане, в виде сверху. Морда треугольная, с намеченным носом и округлыми

выступами глаз, плечи и круп выделены полукруглыми выступами. Между крупом и плечами в скругленных латеральных поверхностях изнутри пробиты парные отверстия для пришивания (рис. 1, 6; 2, 4, 5).

Фигурная нашивная тисненая бляшка из золотой фольги имеет размеры 2,3×1,5 см. Её верхнюю часть занимает имитация сканных кастов: центрального каплевидного, окруженного семью округлыми. Под ними оттиснуты вертикально в ряд мордами вверх три стилизованные зооморфные фигурки лежащих хищников аналогичные вышеописанным. В каждой из фигурок изнутри пробиты парные отверстия для нашивки (рис. 1, 7; 2, 4а, 5а).

Украшения для ленточной диадемы из кургана № 16 явно имеют вторичный характер по сравнению с украшениями диадемы из кургана № 3. Они мельче и крепились к узкой основе всего одной нитью. Предельно лаконичный образ ещё более схематизирован и лишен значков и ног. Центральная бляха, хотя и повторяет общую композиционную схему, утратила многолучевое завершение и целиком выполнена в технике тиснения без использования зерни и пайки. Касты являются имитацией, и, весьма вероятно, ничем не были заполнены. Можно допустить, что весь набор изготовлен специально для похорон. Остается открытым вопрос: где же он изготовлен? Можно предполагать, присутствие в степных ставках скифских вождей отдельных пленных ювелиров, приведенных из Передней Азии, которые могли делать наборы предметов из золотой фольги и, возможно, саму фольгу. Основу для таких предположений дает бронзовая матрица с Западного укрепления Бельского городища с изображением лошади, имеющая аналогии в кургане 4/III Келермесского могильника [Зимовец и др., 2018].

В кургане № 16 был похоронен выдающийся персонаж – жрец и военный вождь в одном лице, глава племенного объединения, что находит подтверждение в погребальном инвентаре, в состав которого наряду с доспехами, конской упряжью и разнообразными предметами вооружения входил большой набор бронзовых и железных жертвенных ножей, уложенных в деревянный пенал, вместе с костяными ложечками [Петренко и др., 2009, с. 226, 227, рис. 3]. В числе находок из этого комплекса были фрагменты южноионийской расписной керамики – тарелки на ножке, вероятно, милетского производства, и ойнохои [Маслов, 2010]⁸. Следует учитывать, что находки самых ранних, доколониционных образцов греческой керамики определенно тяготеют к раннескифским центрам власти, удаленным от морского побережья: Немировскому и Бельскому городищам в украинской лесостепи, а также поселению Тарасова Балка на Кубани [Задников, Шрамко, 2009, с. 473–476, рис. 1; Рябкова, 2015, с. 368–370, ил. 7; 2017, с. 125, ил. 3, 8–10; Смирнова и др., 2018, с. 193–222]. Очевидно, они не были предметами торговли, а скорее являлись подарками для вождей воинственных племен в залог обеспечения безопасности. Возможно, с некоторыми скифскими вождями, обосновавшимися на Северном Кавказе, ионийские греки познакомились ещё в Лидии.

По заключению М.Б. Медниковой, погребенный – мужчина 25–29 лет [Медникова, 2000, с. 52, табл. 1]. При этом у него практически полностью были утрачены зубы на нижней челюсти, а её край облитерирован [Медникова, 2000, с. 54], что вызывает некоторое недоверие к предложенному определению возраста данного индивида. Соответствие украшений и типа диадем в мужском и женском захоронении позволяет предположить, что в кургане, где был погребен вождь, диадема являлась символом, обозначавшим жену умершего, вероятно, также наделенную сакральными prerogative.

⁸ По предварительному заключению др. У. Шлотцауера (Евразийский отдел Германского археологического института, Берлин), которому мы выражаем признательность, данная керамика была изготовлена между 620 и 600 гг. до н.э.

Необходимо также остановиться на звене ожерелья из бусин-распределителей из кургана № 16, которое дает ответ о происхождении по крайней мере части ювелирных украшений из Новозаведенского могильника. Золотое звено длиной 3,3 см состоит из шести спаянных между собой вытянуто-биконических двухсоставных полых бусин. Под устьем отверстий напаяны проволочные ободки, снаружи дополненные окантовкой из зерни. По четыре шарика зерни напаяны на бусины в месте наибольшего расширения. С оборотной стороны бусины гладкие. Размер бусин: высота – 1,6–1,7 см, наибольший диаметр – 0,55 см, диаметр отверстий – 0,3 см (рис. 1, 8; 2, 6).

Эту находку также можно было бы интерпретировать как звено составной диадемы, однако она имеет прямую аналогию с бусинами-распределителями из гробницы I в Нимруде, которая, возможно, являлась захоронением евнуха или женщины 50–55 лет, обладавшей важными административными функциями, или даже царицы [Hussein et al., 2016, p. 8, 9, 59, pl. 19, a; Spurrier, 2017, p. 173, fig. 14]. Двадцать восемь звеньев нимрудского ожерелья, обнаруженные в саркофаге в области плеча, спаяны из девяти бусин. Данная находка наряду с диадемой из Литого кургана и деталями ожерелья из кургана I/В Келермесского могильника, имеющими аналогии среди находок в гробнице II в Нимруде [Рябкова, 2019, с. 326, 327, рис. 5, 2], очевидно, входит в группу общих по происхождению ассирийских ювелирных украшений. Взгляды скифологов в поисках культурно-хронологических параллелей для раннескифской культуры были традиционно обращены на Урарту и, в первую очередь, на материалы из Кармир-Блур [Петренко и др. 2000, с. 246, 247]. После открытия царских гробниц в Нимруде появилась новая возможность для уточнения хронологии скифских памятников. И хотя все нимрудские предметы изготовлены не позднее второй половины VIII в. до н.э., попасть на Северный Кавказ и далее в степи Северного Причерноморья они должны были не в результате «торгового или дипломатического обмена», как это полагает Т.В. Рябкова [2019, с. 327], а в результате военно-политических событий в Передней Азии, завершившихся катастрофическим крушением Ассирийской державы.

О контактах скифов с ассирийским царским домом свидетельствует изображение богини Иштар на дышле колесницы в южной гробнице кургана № 1 Краснознаменского могильника, которое соотносится с эпохой правления Ашшурбанапала [Петренко, 2006, с. 106–107, рис. 4].

Судя по предметам с новочеркасской солярной символикой, курган I/В Келермесского могильника, где было найдено звено ожерелья круга нимрудских находок, входит в один горизонт с южной гробницей кургана I Краснознаменского могильника. Отдельные образы «звериного стиля» из кургана I/В и курганов № 14 и 16 могильника Новозаведенное-II практически идентичны, что показывает, что между данными комплексами, очевидно, нет значительного культурно-хронологического разрыва [Петренко и др., 2000, с. 245, 246, рис. 6, 5–7].

Диадема нимрудского круга из Литого кургана, пронизь ожерелья из кургана № 16 Новозаведенского могильника – аксессуар парадного облачения цариц и их ближайшего окружения – найдены в скифских курганах в мужских погребениях. Вероятно, они использовались уже в новом контексте. Сюда же можно отнести и детали дворцовой мебели из Литого и Келермесского кургана 3/III [Кисель, 2003, с. 130] – это определенно не дипломатические дары.

Примечательно, что Э.А. Грантовский прямо связывал знаменитое келермесское зеркало с приходом скифов из Азии в конце 20-х – начале 10-х гг. VII в. до н.э. после короткого периода политической гегемонии с середины 30-х гг. этого столетия [Грантовский, 1994, с. 43].

Непосредственное участие скифов во взятии и разграблении ассирийских столиц в настоящее время отрицается [Грантовский, 1994, с. 26, 27], однако вполне допустимо

предположение, что часть скифов могла быть включена в состав мидийского войска и что в числе вождей, похороненных в могильнике Новозаведенное-II, Келермесском могильнике и Литом кургане, могли быть и те, кто присутствовал при штурме Ашшура и Ниневии и принял непосредственное участие в разграблении царских сокровищниц и гробниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев А.Ю. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. СПб.: Издательство ГЭ, 2012 [Alekseev A.Yu. *Gold of the Scythian Kings in the Collection of the Hermitage Museum*. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2012 (in Russian)].

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. *Люботинское городище*. Под ред. Ю.В. Буйнова. Харьков: Регион-информ, 1998. С. 143–182 [Bandurovsky A.V., Buinov Yu.V., Degtyar A.K. New Investigations of the Mounds of the Scythian Time in the Vicinity of the Town of Lyubotin. *Lyubotinskoe Settlement*. Ed. Yu. V. Buinov. Kharkov: Region-inform, 1998. Pp. 143–182 (in Russian)].

Галанина Л.К. *Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. Степные народы Евразии*. Т. I. М.: Палеограф, 1997 [Galanina L.K. *Kelermesskie Kurgans: Royal Burials of the Early Scythian Epoch. Steppe Peoples of Eurasia*. Vol. I. Moscow: Paleograph, 1997 (in Russian and German)].

Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии. *Российская археология*. 1994. № 4. С. 23–48 [Grantovsky E.A. On the Chronology of the Stay of the Cimmerians and Scythians in Asia Minor. *Russian Archaeology*. 1994. No. 4. Pp. 23–48 (in Russian)].

Задников С.А., Шрамко И.Б. К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром. *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы научной конференции*. Под ред. В.Ю. Зуева. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 473–477 [Zadnikov S.A., Shramko I.B. On the Question of the First Contacts of the Population of the Belsk Settlement with the Ancient World. *Bosporan Phenomenon. Art on the Periphery of the Ancient World: proceedings of a Scientific Conference*. Ed. V.Yu. Zuev. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009. Pp. 473–477 (in Russian)].

Зимовец Р., Скорый С., Окатенко В. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле. *Tyragetia*. 2018. Seria nova. Vol. XII [XXVII]. № 1. С. 219–236 [Zimovets R., Skory S., Okatenko V. Bronze Matrix from the Belsk Settlement: on the Question of Central Asian Motives in the Early Scythian Animal Style. *Tyragetia*. 2018. Seria nova. Vol. 12 [27] No. 1. Pp. 219–236 (in Russian)].

Илюков Л.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону. *Донские древности*. Вып. 2. Под ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 57–79 [Ilyukov L.S., Lukiashko S.I. New Monuments of the Scythian Time in the Lower Don. *Don Antiquities*. Iss. 2. Ed. V.Ya. Kiyashko. Azov: Azov Museum of Regional, 1994. Pp. 57–79 (in Russian)].

Кисель В.А. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 [Kisel V.A. *Masterpieces of Jewelers of the Ancient East from Scythian Burial Mounds*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003 (in Russian)].

Луконин В.Г. *Искусство древнего Ирана*. М.: Искусство, 1977 [Lukonin V.G. *The Art of Ancient Iran*. Moscow: Iskusstvo, 1977 (in Russian)].

Маслов В.Е. Фрагменты ионийских сосудов из кургана № 16 могильника Новозаведенное-II. *Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России*. № 13. Под ред. М.М. Герасимовой, В.Ю. Малашева, М.Г. Мошковой. М.: ТАУС, 2010. С. 51–62 [Maslov V.E. Fragments of Ionian Vessels from Mound No. 16 of the Novozavedennoye-II Burial Ground. *Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories. Materials and Studies in the Russian Archaeology*. No. 13. Eds. M.M. Gerasimova, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova. Moscow: TAUS, 2010. Pp. 51–62 (in Russian)].

Махортых С.В. Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н.э. в Закавказье и Передней Азии. *Археологія і давня історія України*. 2018. Вип. 2(27). С. 35–50 [Makhortykh S.V. Harness Fittings of the 7th – 6th centuries BC in Transcaucasia and Western Asia. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*. 2018. Iss. 27 (2). Pp. 35–50 (in Russian)].

Махортых С.В., Колесник О.О. Древневосточные бляшки-розетки из Черкасской области (Украина). *Археологія, палеоєкологія і палеодемографія Євразії*. Под ред. В.С. Ольховского. М.: ГЕОС, 2000. С. 197–202 [Makhortykh S.V., Kolesnik O.O. Ancient Eastern Rosette Plaques from the Cherkasy Region (Ukraine). *Archeology, Paleoecology and Paleodemography of Eurasia*. Ed. V.S. Olkhovsky. Moscow: GEOS, 2000. Pp. 197–202 (in Russian)].

Медникова М.Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведённое II. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2000. С. 51–58 [Mednikova M.B. The Life of the Early Scythians: Reconstruction Based on Anthropological Materials from the Novozavedennoye II Burial Ground. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd BC. Paleoecology, Anthropology and Archeology*. Eds. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky. Moscow: IA RAS, 2000. Pp. 51–58 (in Russian)].

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Т. III. Москва – Берлин – Бордо: Палеограф, 2006 [Petrenko V.G. Krasnoznamen'sky Burial Ground. Elite Burial Mounds of the Early Scythian Period in the North Caucasus. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*. Vol. III. Moscow – Berlin – Bordeaux: Palaeograf, 2006 (in Russian)].

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы могильников Новозаведённое-II. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология*. Под ред. В.И. Гуляева, В.С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2000. С. 238–248 [Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Chronology of the Central Group of Novozavedennoye-II Burial Grounds. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd BC. Paleoecology, Anthropology and Archeology*. Ed. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky. Moscow: IA RAS, 2000. Pp. 238–248 (in Russian)].

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведённое-II (предварительная публикация). Археологические памятники раннего железного века Юга России. *Материалы и исследования по археологии России*. № 6. Под ред. Л.Т. Яблонского. М.: ИА РАН. С. 179–210. [Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Burial of a Noble Scythian woman from the Novozavedennoye-II Burial Ground (preliminary publication). *Archaeological Sites of the Early Iron Age in the South of Russia. Materials and Studies in the Russian Archaeology*. No 6. Ed. L.T. Yablonsky. Moscow: IA RAS, 2004. Pp. 179–210 (in Russian)].

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведённое-II в 1991–2003 гг. *Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия*. Под ред. Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2009. С. 225–234 [Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Some Results of the Study of the Early Scythian Burial Ground Novozavedennoye-II in 1991–2003. *Archaeological Discoveries. 1991–2004. European Russia*. Ed. N.A. Makarov. Moscow: IA RAS, 2009. Pp. 225–234 (in Russian)].

Пiotровский Б.Б. Искусство Урарту VIII–VI вв. до н.э. Л.: Издательство ГЭ, 1962 [Piotrovsky B.B. *Art of Urartu 8th–6th BC*. Leningrad: State Hermitage Publishing House, 1962 (in Russian)].

Пiotровский Б.Б. *История и культура Урарту*. СПб.: Филфак СПбГУ, 2011 [Piotrovsky B.B. *History and Culture of Urartu*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2011 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация). *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды ГЭ*. 2015. Т. 77. Под ред. Е.Ф. Корольковой. С. 359–374 [Ryabkova T.V. The Early Iron Age Settlement Tarasova Balka in Trans-Kuban Region (preliminary Publication). *Archeology without Borders:*

Collections, Problems, Research, Hypotheses. Transactions of the State Hermitage Museum. 2015. Vol. 77. Ed. E.F. Korolkova. Pp. 359–374 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Работы Южно-Кубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в Краснодарском крае и Адыгее. *Археологический сборник ГЭ*. Вып. 41. 2017. С. 121–125 [Ryabkova T.V. Excavations by the Southern Kuban Expedition of the State Hermitage Museum in Krasnodar Region and Adygea. *The State Hermitage Museum Archaeological Papers*. 2017. Iss. 41. Pp. 121–125 (in Russian)].

Рябкова Т.В. Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье. *Stratum plus*. 2019. № 3. С. 319–338 [Ryabkova T.V. Formation of the Early Scythian Cultural Complex of the Kelermes Burial Ground in Trans-Kuban Region. *Stratum plus*. 2019. No. 3. Pp. 319–338 (in Russian)].

Смирнова Г.И., Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т., Старкова Е.Г. *Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН*. СПб.: ГЭ; ИИМК РАН; Нева, 2018 [Smirnova G.I., Vakhtina M.Ju., Kashuba M.T., Starkova E.G. *Nemirov Hill Fort on South Bug River. According the Excavation Materials of the 20th Century from Collections of the State Hermitage Museum and Documents kept in IHMC RAS*. St. Petersburg: The State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture RAS; Neva Publ., 2018 (in Russian)].

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес). *Скифия и Кавказ*. Под ред. А.И. Тереножкина. Киев: Наукова думка, 1980. С. 7–29 [Chernenko E.V. The Earliest Scythian Ceremonial Swords (Melgunov and Kelermes). *Scythia and the Caucasus*. Ed. A.I. Terenozhkin. Kyiv: Naukova Dumka, 1980. Pp. 7–29 (in Russian)].

Akurgal E. *The Hattian and Hittite Civilizations*. Ankara: Republic of Turkey Ministry of Culture, 2001.

Das Artemision von Ephesos: Heiliger Platz einer Gotti. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums Wien. Archäologisches Museum Istanbul 22. Mai bis 22. September 2008. Hrsg. von W. Seipel. Wien: Phoibos Verlag, 2008.

Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age. Eds. J. Aruz, Y. Rakic, S. Graff. New York: Metropolitan Museum of Art, 2014.

Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary*. London: British Museum Press, 1992.

Born H., Seidl U. *Schutzwaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung von Hermann Born*. Bd. 4. Mainz am Rhein: Verlag Sammlung Guttman; Verlag Phillip von Zabern, 1995.

Hussein M., Altaweel M., Gibson McG. *Nimrud. The Queens' Tombs*. Baghdad; Chicago: Iraqi State Board of Antiquities and Heritage; The Oriental Institute of the University of Chicago, 2016.

Reade J. *Mesopotamia*. London: British Museum Press, 1993.

Reade J. *Assyrian Sculpture*. London: British Museum Press, 1994.

Seidl U. *Bronzekunst Urartus. Mainz am Rhein: Verlag Phillip von Zabern*, 2004.

Spurrier T.L. Finding Hama: On the Identification of a Forgotten Queen Buried in the Nimrud Tombs. *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 76. No. 1. 2017. Pp. 149–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАСЛОВ Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, Москва, Россия.

Vladimir E. MASLOV, PhD (History), Researcher, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ПЕТРЕНКО Владимира Гавриловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (1956–1991 гг.), Москва, Россия.

Vladimira G. PETRENKO PhD (History), Senior Researcher (1956–1991), Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

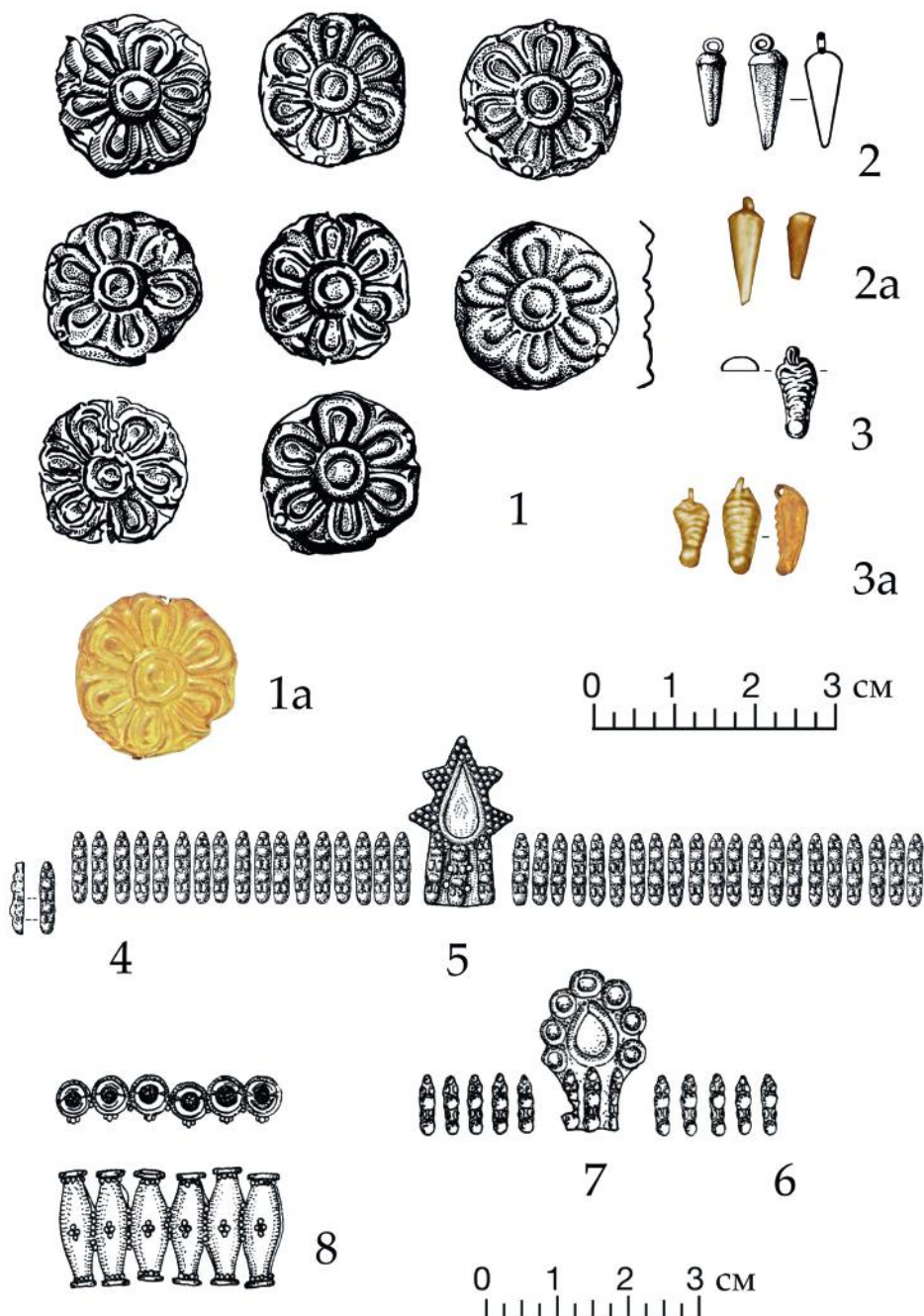

Рис. 1. Могильник Новозаведенное-II: 1, 1а, 4-7 – нашивные бляшки; 2, 3 – подвески 1; 8 – бусины распределители. 1-3 – курган № 1; 4, 5 – курган № 3; 7, 8 – курган № 16. 1-8 – золото.

Fig. 1. Burial ground Novozaavedennoe-II: 1, 1а, 4-7 – sewn-on plaques; 2, 3, – pendants 1; 8 – distributor bead; 1-3 – mound No 1; 4, 5 3 – mound No 3; 7, 8 – mound No 16. 1-8 – gold.

Рис.3. 1 – деталь рельеф Ашшурбанипала, Ниневия (https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Lion_Hunt_of_Ashurbanipal#/media/File:Ashurbanipal_II's_lion-hunt_scene,_wall_relief,_7th_century_BC,_from_Nineveh,_the_British_Museum.jpg; 26.11.2021); 2 – база колонны из Ниневии, VII в. до н.э. (по Reade, 1994); 3 – статуэтка из слоновой кости из Топрах-Кале (по *Assyria to Iberia...*, 2014); 4 – голова гения, Нимруд, около 865 г. до н.э. (по Reade 1994); 5 – рельеф из Адильдживаза (по Akurgal, 2001); 6 – нашивная бляшка, Новозаведенное-II курган № 3; 7 – бронзовая пронизь, Британский музей (по Махортых, 2018); 8, 9 – золотые вотивные фигурки, храм Артемиды Эфесской (по *Das Artemision von Ephesos*, 2008). 1–5, 6–9 – б/м.

Fig. 3. 1 – detail of the relief of Ashurbanipal, Nineveh (https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Lion_Hunt_of_Ashurbanipal#/media/File:Ashurbanipal_II's_lion-hunt_scene,_wall_relief,_7th_century_BC,_from_Nineveh,_the_British_Museum.jpg; 26.11.2021); 2 – base of the column from Nineveh, VII BC (by Reade, 1994); 3 – ivory figurine from Toprakh-Kale (after *Assyria to Iberia...*, 2014); 4 – head of a genius, Nimrud, circa 865 BC (by Reade 1994); 5 – relief from Adiljivaz (after Akurgal, 2001); 6 – sewn-on plaque, Novozavedennoye-II mound No 3; 7 – bronze thread, British Museum (after Makhortykh, 2018); 8, 9 – golden votive figurines, temple of Artemis of Ephesus (after *Das Artemision von Ephesos*, 2008). 1–5, 7–9 – no scale.